

Ребиндеры: как они жили

Сегодня мы завершаем публикацию о жизненно-бытовом укладе владельцев села Шебекино на рубеже 19 и 20 веков.

Из иностранцев или просто иногородних слуг семья Ребиндеров нанимала лишь гувернанток. Кроме них у детей была кормилица – до 3-4 лет, а также няня – вплоть до совершеннолетия. Двумя последними Ребиндеры дорожили не в пример больше. Так, некая мисс Ривс, затребовавшая увеличения жалования, немедленно получила расчет, а выписав из столицы русскую няню Ольгу, Ребиндеры сделали все, чтобы она прижилась и вышла замуж за шебекинца, оставшись таким образом в семье. Что интересно, именно эта девушка сопровождала осиротевшую после расстрела семью во всех их мытарствах вплоть до эмиграции. Борис Ребиндер впоследствии признавался, что если он и «обладает какими-либо достоинствами, то они перешли от русской Ольги». Иностранные гувернантки соответствовали разным периодам жизни ребенка, и поэтому, когда Ребиндеры впоследствии хотели установить, когда произошло то или иное событие, то пытались вспомнить англичанку или француженку, которая находилась в доме в тот момент. Русское же окружение оставалось постоянным и менялось редко, оказывая большое влияние и на самих хозяев.

Достаточно непривычным сегодня нам покажутся особенности воспитания детей. Они жили обособленным, строго устроенным мирком, в котором заправляла, но опосредованно, через няню, мать. У каждого из младших Ребиндеров была своя спальня, часто детям было одиноко и страшно по ночам, поэтому им иногда позволялось ночевать в материнской, которая также была отделена от отцовской. Но общение с матерью было не частым. Показательно, как удивились трое ни о чем не догадывавшихся старших детей, когда им объявили, что у них родился брат, и привели в спальню к Екатерине Алексеевне.

Лишь после пяти лет детей допускали за общий стол. Воспоминания о том, как вся семья собиралась в столовой, – наиболее живые и яркие у Бориса Ребиндера. Так, он запомнил достаточно простую по сравнению со столичной пищу, довольно недорогие столовые приборы (особо ценные выставляли лишь к приезду гостей или родственников). Такая привычка – беречь кухонную утварь – привела к тому, что некий недобросовестный лакей тайком уносил значительную часть столового серебра и припрятывал его под усадебным дубом. Тайник обнаружили, когда на том месте решили начать стройку.

Значительным исключением в простоте сельской кухни было употребление спаржи. Ее местные крестьяне соглашались выращивать, чистить и готовить, но только не видеть процесс ее поглощения. Как отмечал Борис Ребиндер, «к счастью, у нас были братья кучера Афанасия, которым не составляло никакого труда подавать спаржу на стол. Наверное, они были более восприимчивы к европейской цивилизации, чем большинство крестьян Шебекино».

Спиртное подавалось к столу редко. Но все – и взрослые, и дети – очень любили десерт «Груши в красном вине». Белого вина не подавали вообще. Дети всю еду запивали молоком, взрослые – квасом. Лишь Николай Татищев (брат Е. А. Ребиндер) имел право на бутылку хорошего красного вина. В погребе было большое их количество, которое, не употреблявшись, имело значительную выдержку. Впоследствии, в 1917-м году, все вино по приказу Александра Ребиндера бросили в колодезь. Сам владелец имения сопровождал

это словами: «Из всего, что я не смогу оставить своим детям, вино – единственное, о чем я не жалею»...

Так же редко детям доставались сладости. Это не значит, что их не было – в слободе имелись две крупные по тем временам торговые лавки, и предметом редко покупаемого вождления младших Ребиндеров были продававшиеся в них пряники. А вот из часто перепадавших сладостей Борис Ребиндер помнит... сушеные яблоки! В хозяйстве была установлена ротационная сушилка для фруктов, которые очищали от кожуры местные женщины. Дети сами, открывая печь, вращали барабан и находили противень с яблоками или грушами. Особенно нравились Борису Ребиндеру сушеные сморщенные яблоки с отверстием посередине – без сердцевины...

Все время проводя в своем имении, не выезжая в столицу, а лишь в Кисловодск вместе с детьми, Ребиндеры практически не отмечали праздников. Эпохальными событиями сельской жизни становился приезд родственников – дяди Николая и тети Мары, дедушки Александра, а также редкие болезни. Так, в грудном возрасте у Бориса заболели глаза, и его решили показать специалисту в Белгороде. Чтобы отвезти туда младенца, потребовалось 14 лошадей. Две лошади везли ландо с младенцем и матерью, четыре – коляску с няней и кормилицей и еще одна – телегу с багажом. Через каждые 12 км лошадей меняли.

Рубежным событием семьи было Рождество, по воспоминаниям Бориса Ребиндера, – тихий и скромный, во многом лирический праздник. Гостей в это время года практически не было, не было и особого распорядка дня, зато были подарки. Например, в Рождество 1911 года – одно из самых мирных и спокойных в семье – были подарены слон на колесиках германского производства, тележка с двумя куклами, мужчиной и женщиной, коробка с головоломкой, где были изображены два кролика, грызущие морковку.

Без сомнения, воспоминания людей, живших или живущих ныне, – тех, кого принято считать обывателями – не имеют доказательной силы официальных событий и исторических фактов, они субъективны и малодинамичны и, возможно, представляют интерес лишь для узкого круга краеведов. Но ушедшая жизнь давно исчезнувших людей, не последних в своем социальном слое, через взор очевидцев позволяет с изумительной точностью увидеть, расцветить прошлое. Именно эти крупинки памяти о прошедших годах, сохраненные и представленные нами, способны вдохнуть жизнь в летопись истории родного края.

На снимках: Ребиндер Е. А. (жена); Ребиндер Е. А. с детьми Александром и Марией.

Косенко З.